

ГЛЕБ МОРЕВ

ДЖЕССИ РОА

ДЖЕЛТ Д

ДВАДЦАТЬ РАЗГОВОРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 94(100)»1939/45»
ББК 63.3(0)62
М 79

Морев, Глеб.

М 79 Диссиденты / Глеб Морев. – Москва : Издательство АСТ, 2017. — 416 с. [ил.]. — (*Ангедония. Проект Данишевского*).

ISBN 978-5-17-100509-2.

Под этой обложкой объединены самые разные голоса, в свое время — с конца 1950-х до середины 1980-х — принадлежавшие в СССР общественному движению инакомыслящих, получившему имя диссидентства. Это голоса разных поколений, разных политических убеждений, разных судеб. Советское диссидентство никогда не было монолитным политическим движением — это всегда был разноголосый хор, объединенный не политическими, но этическими установками. Эта книга дает ему возможность быть услышанным.

УДК 94(100)»1939/45»
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-17-100509-2.

УТВЕРЖДЕНИЕ СВОБОДЫ

Повторяя известное высказывание, Россия — это «страна с непредсказуемым прошлым». То же самое с не менее вескими на то причинами можно было бы сказать и о других странах и нациях, если не о большинстве из них. По сути, любая страна, пережившая национальную травму, становится страной с непредсказуемым прошлым. Если это тяжелая травма, что, несомненно, верно для России, то состояние «непредсказуемости» может длиться очень долго.

А Россия в XX веке пережила не просто травму. Она пережила национальную катастрофу, длившуюся 70 лет. Десятки миллионов людей прошли через ГУЛАГ. Последствия этого ощущаются и по сей день. И, только поняв эти последствия, можно понять советских диссидентов, их появление, их деятельность, их методы и влияние, которое они оказали.

Террор как инструмент власти всегда был неотъемлемой частью советской действительности. Основным культурным наследием этих десятилетий стал страх — постоянный, ощущаемый и сегодня, проникший в подсознание страх перед всевластием государства. Государственная власть может сделать с человеком то, что считает необходимым — это нам хорошо известно. Это было хорошо известно всем людям в Советском Союзе, и так считают и сегодня еще очень многие в России.

В первую очередь диссиденты разорвали этот порочный круг. Они знали, что постсталинистское государство все еще обладает огромной властью (и поэтому они лично очень рисковали), но все же оно было уже не всевластно. Они опирались на взаимоотношения, связывающие людей (не считая семейных и родственных связей), которые были бы неподвластны государственному контролю. Так они начали бороться против атомизации советского (а теперь российского) общества — болезненной и до сих пор оказывающей на общество болезнетворное влияние.

С 1950-х годов существовал самиздат — неофициальное тиражирование и распространение литературных произведений. Именно в рамках самиздата впервые началось обсуждение сталинизма в некоем публичном пространстве (пусть первое время и небольшим). Культура самиздата была вся пропитана антисталинистским пафосом. Именно в ходе обсуждения сталинизма, именно в этом окружении начала формироваться численно небольшая, но чрезвычайно активная группа, члены которой позже были названы диссидентами. Во второй половине 1960-х годов в самиздате появились тексты, в которых высказывался протест против политических преследований того времени, тексты, которые не имели прямого отношения к сталинизму как таковому. Но и в этих текс-

тах присутствовала мысль о том, что причиной постоянного и парализующего страха советских граждан является как раз недавнее трагическое прошлое. В Советском Союзе в то время шла борьба за гражданские свободы, которую начали диссиденты и которая уже тогда была неотделима от «борьбы за историю», за сохранение и переработку воспоминаний о прошлом и, в первую очередь, о сталинском терроре.

Воспоминания о сталинском терроре долгое время, многие десятилетия делились на два вида. Один из них представлял собой личные и семейные воспоминания, которые основывались на жизненном опыте жертв и их родственников. Такие воспоминания были «латентными» и воспринимались как запрещенное или наполовину запрещенное знание. Также они были предметными, фактографическими и крайне конкретными. Их анализа или осознания почти не происходило. Вторым видом воспоминаний была рефлексия диссидентов — она проявлялась в мемуарах, авторы которых осмелились опубликовать их в самиздате, в исторической публицистике, в переводах западных научных работ, романов и стихов.

Благодаря фундаментальной и глубокой рефлексии диссиденты изобрели одну важную вещь — «язык права», который до сегодняшнего дня оказывает большое влияние на представления о человеческих правах. Но они были не одиноки. Их работа и их изобретение находились в общем русле напряженного и интенсивного поиска свободы в Европе, да и во всем мире. На Западе кульминацией этого процесса часто называют 1968 год. Но и в Восточной Европе был свой 1968 год. Пражская весна, открытое выражение диссидентами своих взглядов или протесты рабочих в Польше показывают, что стремление к свободе было всеобъемлющим и государственные границы не были ему преградой. У этого стремления были иные предпосылки, нежели на Западе, и поэтому оно имело совершенно иной результат. На Западе протестующие заявляли, что они живут в условиях квазидиктатуры, в то время как на Востоке люди жили в условиях реальной диктатуры. На Западе звучало требование дать больше свободы (свобод) и возможностей (а уже имеющейся свободой можно было пользоваться для реализации этих требований), в то время как на Востоке нужно было сначала обеспечить себе основные права и свободы и не оказаться в тюрьме, лагере или ссылке из-за своих требований.

До этого я говорил о двух стремлениях к свободе (хотя, возможно, речь все же шла об одном объединенном движении). Тем не менее, на Западе из этого движения за свободу возникли последователи анти-свободных, авторитарных, если не сказать тоталитарных, большей частью коммунистических идеологий. Они проповедовали несвободу, а получили свободу. То, что это не привело их (и общество) к печальным последствиям, связано прежде всего со свободой, которой они обладали в исходной

точке. На Востоке, наоборот, свобода и право были не только лозунгами, но и важной частью политической идеологии (и, насколько это было возможно, практики) диссидентов. Однако права и свободы по-прежнему не реализовывались (даже когда в период стагнации уже зарождались предпосылки для изменений, произошедших в 1989/1990 годах — это мы знаем сейчас, но об этом тогда никто знать не мог).

Стоит также отметить, что в утверждении свободы (в итоге успешном) основную роль сыграла вовсе не выверенная идеология, а постепенное внедрение снизу «языка права», который, в свою очередь, постепенно изменил понимание политической власти.

Сейчас кажется, что самоосвобождение России 25 лет назад большей частью забыто. Однако так только кажется. Я убежден, что российское общество (и в еще большей мере общества к западу от России и к востоку от старого Запада) давно идет по проторенному в 1968 году на Западе пути глубинных изменений в отношениях с властью. Это не прямой путь, на нем много крутых поворотов. И постепенно он приведет к формированию нового российского характера. В пути могут случаться остановки, может снижаться скорость. Но прекратить двигаться по нему уже нельзя. Диссиденты в Советском союзе и их коллеги в других социалистических странах заложили основу для этого движения. Они хотели жить достойно. При чудовищных личных рисках они показали, что это (почти) всегда возможно. Таково их завещание.

Йенс Зигерт
Руководитель Фонда имени Генриха Бёлля
в России с 1999 по 2015 год

Первая история советского диссидентства была издана в 1984 году.

История советского диссидентства не написана до сих пор.

Оба эти утверждения верны и, более того, противоречие между ними — лишь кажущееся. Книга Людмилы Алексеевой «История инакомыслия в СССР», написанная в США в конце 1970-х годов и изданная там же в 1984-м, на пике репрессий против советских инакомыслящих, являет собой достаточно редкий пример синхронного событиям исторического описания. Ее хронологической границей служит 1983 год. Между тем, современная историография датирует конец «диссидентского» периода в Советском Союзе 1987 годом, когда, вслед за возвращением академика А.Д. Сахарова из горьковской ссылки в декабре 1986 года, из лагерей были освобождены десятки политзаключенных, и стремительно менявшаяся социополитическая реальность горбачевской «перестройки» сделала советское диссидентство в тех его формах, какие сложились к концу 1970-х годов, достоянием истории.

С тех пор посвященная феномену диссидентства историческая библиотека пополнилась массой новых мемуарных и разножанровых документальных свидетельств, действуют специальные исследовательские программы, публикуются, комментируются и готовятся к публикации важнейшие документы, относящиеся к диссидентскому движению в СССР. Тема, однако, продолжает быть актуальной для исторического изучения. Многие важнейшие для развития диссидентства в СССР сюжеты остаются недокументированными и/или неописанными, показания многих участников — ряды которых, к сожалению, редуют на глазах — только начинают фиксироваться историками. До сведения всей полноты информации в одно итоговое исследование покамест далеко. Такое исследование остается задачей будущего.

Как шаг в его направлении и стоит воспринимать нашу книгу. В качестве составителя я видел своей задачей, прежде всего, дать возможность быть услышанными и зафиксированными самым разным голосам, в свое время — с конца 1950-х до середины 1980-х — принадлежавшим диссидентству. Голосам разных поколений, разных политических убеждений, разных судеб. Советское диссидентство никогда не было монолитным политическим движением — это всегда был разноголосый хор, объединенный не политическими, но по преимуществу этическими установками. Здесь, кстати, один из немногих пунктов, в котором единокоренны герои этой книги.

Начиная этот проект, продолжавшийся два года — с осени 2014 года по осень 2016-го - я не ставил своей задачей создать, что называется, «репрезентативную выборку» представителей советского диссидентства. То, что у этой книги двадцать героев, а не, скажем, двадцать семь или тридцать, — следствие не авторской концепции, а жизненных обстоятельств. Многие из тех, с кем мне хотелось побеседовать, оказались по тем или иным причинам труднодостижимы. С некоторыми (как, например, со скончавшимися в конце 2014 года о. Глебом Якуниным и Валерием Сендеровым) я встретиться планировал, но не успел... Трижды я столкнулся и с отказом от разговора. Мне, однако, кажется, что и в нынешнем составе, пусть и не вполне отражающем идейный и географический спектры советского диссидентства во всей их противоречивости (в первом случае) и широте (во втором), эта книга содержит в себе объем свидетельств, значение которого для понимания природы и развития инакомыслия в СССР трудно переоценить.

Я глубоко признателен всем, согласившимся принять участие в проекте. Без поддержки Фонда имени Генриха Бёлля и его сотрудников Йенса Зиггера и Нурии Фатыховой он не мог бы состояться. Сотрудник Международного Мемориала Алексей Макаров помог мне избежать многих неточностей при расшифровках бесед и существенно обогатил иллюстративный материал. Наталью Лебедеву и Ирину Тимашеву (Colta.ru) я благодарю за помощь при подготовке текстов к публикации.

Глеб Морев

«РОДИТЬСЯ ДИССИДЕНТОМ»

Осенью 1962 года по приглашению Союза советских писателей в Москву впервые приехал западногерманский прозаик Генрих Бёлль. В эти несколько светлых дней случилось знакомство, тесно связавшее историю советских диссидентов с его именем — знакомство Бёлля с германистом Львом Копелевым и его женой литературоведом Раисой Орловой.

Подлинной хроникой диссидентского движения стала ведшаяся на протяжении двадцати лет переписка семей Бёлля и Копелева. Субъективная, эмоциональная, но и очень точная хроника, зафиксировавшая эпизоды взаимоотношений, реакции, описавшая сложно уловимые процессы, происходившие с теми людьми, которых мы сегодня называем советскими диссидентами. Ценны в ней не только факты, имена (в ней есть многие из тех, чьи интервью вошли в эту книгу), но сама драматургия переписки двух друзей-литераторов.

Все начиналось как разговор о литературе, будничных писательских и переводческих делах с мелькающими признаками советской или немецкой бытовой жизни. И только иногда в ткань их первых бесед вплеталась нитка иного цвета — про какую-то где-то рядом существующую политическую действительность. В начале 1970-х годов эта нитка становится основной, из нее вяжется большая часть полотна. Генрих Бёлль к тому моменту уже президент международного PEN-клуба, получает Нобелевскую премию по литературе (1972), начинает все чаще действовать как политик, а не только писатель, активно участвуя в общественных дискуссиях в Германии, разбухенных студенческими протестами. Именно в это время принципиальность его оппозиционных взглядов в Германии порождает кампанию травли Бёлля. Но это не останавливает его активность, а внимание к происходящему на Востоке Европы, о которой ему в письмах постоянно рассказывают друзья, только обостряется. Переписка с Копелевым и другими независимыми советскими интеллектуалами становится больше похожей на разработку стратегий по спасению людей. Советские друзья Бёлля сообщают ему, что кому угрожает, как и почему надо помочь. Значение этих писем и телеграмм для диссидентского движения и борьбы за свободу в СССР невозможно переоценить.

Благодаря этой дружбе были спасены жизни не одного десятка советских граждан, некоторых из которых мы сегодня называем диссидентами. Кто-то смог уехать и получить поддержку за границей, за кого-то вовремя заступились.

С помощью Копелева Бёлль познакомился со многими советскими интеллектуалами и писателями. Одним из них был Алек-

сандр Солженицын, о рассказе которого «Один день Ивана Денисовича» Копелев рассказал Бёллю в письме 1963 года. С этих пор Бёлль следил за текстами Солженицына, написал предисловие к немецкому переводу «Ракового корпуса» и рецензию на «В круге первом». Личное знакомство с Солженицыным состоялось только в 1972 году в очередную поездку Бёлля в СССР, тогда российский писатель передал немецкому коллеге свои тексты и документы для адвоката на случай ареста. Через два года, когда в феврале 1974 года Солженицына действительно арестовали, Бёлль написал письмо протеста на имя Брежнева и принял писателя после его высылки из СССР в своем доме под Кельном.

«У меня рады любому беженцу, неважно, приехал он из коммунистической или как коммунист из некоммунистической страны. Когда придет Александр Солженицын, в нашем доме у него будет чай, хлеб и кровать» (Генрих Бёлль, *General Anzeiger*, 14 февраля 1974 года).

К 1970-м годам в советской писательской среде актуализировалось деление на диссидентов и не диссидентов. Сам Бёлль использовал это понятие как определение степени порядочности человека — «родился диссидентом».

«Он принадлежал к нашим лучшим друзьям в Москве, был рожден диссидентом, один из первых, кого я знал. Он был диссидентом от природы, инстинктивно и по опыту еще до того как состоялось само диссидентское движение», — так Бёлль отозвался в 1976 году в газетной статье во *Frankfurter Allgemeine Zeitung* на убийство в Москве (вероятно, организованное КГБ) переводчика немецкой литературы Константина Богатырева, когда-то отсидевшего пять лет в лагере по политическому обвинению.

После вторжения советских войск в Чехословакию в 1968 году некоторые категорично требовали от Бёлля радикальной оппозиционности, упрекали его в том, что он продолжает ездить в СССР. И действительно, Бёлль отменял свои поездки и заседания PEN-клуба во многих странах Восточного блока, когда там случались аресты и репрессии. И только в Москву он продолжал ездить до конца 1970-х. Эти поездки стали судьбоносными для многих диссидентских биографий. Его остановки — это, конечно Москва со Львом Копелевым, Ильей Эренбургом, Константином Паустовским, Ленинград, где он очень хотел встретиться и встретился с Анной Ахматовой. Там же его друг филолог-германист Ефим Эткинд познакомил Бёлля с молодым Иосифом Бродским. И это знакомство помогло изгнаннику Бродскому в будущем.

Для нашего Фонда, носящего имя Генриха Бёлля, большая честь участвовать в важном и очень своевременном проекте «Диссиденты». Именно история взаимоотношений Бёлля с советскими диссидентами определила и до сих пор определяет политику работы Фонда в России.

Мы с большой радостью согласились участвовать в создании этой книги, смысл которой не ограничен фиксацией событий кон-

кретного исторического периода, он выходит за границы прошлого, добирается до сегодняшнего дня (здесь в России или в Европе). Разговоры с советскими диссидентами — это разговоры о понимании истории, о взаимоотношении человека с его чувствами, мечтами, амбициями и внешней системой с ее насилием и границами.

Я благодарю моих коллег — Йенса Зигерта (бывшего руководителя Фонда имени Генриха Бёлля в России) за решение поддержать проект «Диссиденты», Марину Вахнину и ее маму Марию Орлову за рассказы, контакты и советы.

Нурия Фатыхова,
Координатор программы «Демократия»
Фонда имени Генриха Бёлля в России

|
**«ЭТО БЫЛО НРАВСТВЕННОЙ
УСТАНОВКОЙ.
ТОЛЬКО НРАВСТВЕННОЙ»**

© Глеб Морев

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЯНЦ:

«Во враждебной среде с таким количеством стукачей раскрытие неизбежно»

— Какие из протестных акций, движений советского времени считать относящимися к диссидентству, а какие, с вашей точки зрения, нет?

— Это вопрос слегка не по адресу. Уже много лет и по личному интересу, и для книг и статей, которые я пишу, я отвечаю в том числе и на этот вопрос, но как исследователь, а не как действующее лицо с первых лет появления диссидентского движения в Советском Союзе. И вообще, не очень мне нравится термин «диссидентство». Мне кажется, что гораздо более точным является термин, который применял Андрей Амальрик и потом Сергей Солдатов — вот лежит эта его книжечка 1970 года, «Программа Демократического движения Советского Союза». А то, что мы называем диссидентским движением в России, — это какая-то гораздо более узкая его часть, ограниченная во времени и в числе лиц. Тогда как демократическое движение — явление, реально существовавшее. Впрочем, как и диссидентство, которое является его частью.

К сожалению, ни одним из известных мне историков или участников диссидентского движения не осознается, что оно находилось в прямой зависимости от положения в Кремле. Но поскольку,

После освобождения из лагеря, 1987
© Из архива
Сергея Григорьянца

Сергей Иванович Григорьянц (12 мая 1941, Киев) — журналист, литературовед, коллекционер. В 1963–1965 годах учился на факультете журналистики МГУ (отчислен по политическим мотивам), организовал там литературный клуб «Забывтые поэты».

4 марта 1975 года арестован и 25 сентября приговорен Мосгорсудом к 5 годам лагерей по статье 190-1 и 154, ч. 2 УК РСФСР. Срок отбывал в колонии в Ярославской области, Чистопольской тюрьме, Верхне-Уральской тюрьме. После освобождения жил в г. Боровск Калужской области. В 1982–1983 годах — редактор самиздатского правозащитного бюллетеня «В». Вновь арестован 18 февраля 1983 года, 26 октября осужден Калужским областным судом по ст.70 УК РСФСР на 7 лет лагерей и 3 года ссылки. Находился в Чистопольской тюрьме. Освобожден 6 февраля 1987 года.

В 1987—1990 годах — главный редактор независимого журнала «Гласность». В 1990-е годы — председатель правозащитного фонда «Гласность». Живет в Москве.

как говорил Черчилль, в Кремле все играют под ковром, то никто из диссидентов этого как следует не понимал.

— **Вы считаете, что демократическое движение в России, частью которого было диссидентство, конституировалось исключительно как проекция внутривнутриполитических изменений во власти?**

— Нет-нет. Это в том числе бывало и так, но часто бывало и гораздо сложнее, и сейчас я говорю о другом. Я говорю просто о том, что само по себе положение демократического движения, то преследование, которому оно подвергалось или не подвергалось в определенные периоды (и это тоже очень любопытно проследить), на самом деле были связаны с вполне определенными серьезными политическими переменами, которые происходили в управлении Советским Союзом.

— **Как вы датируете широкое демократическое движение в России, какие хронологические границы ставите?**

— Сравнительно широкое демократическое движение начинается с 1957 года как следствие венгерского восстания 1956 года, которое, на самом деле, вызвало бесконечно большую реакцию в СССР, чем, скажем, гораздо более известные события в Чехословакии в 1968 году. До этого — во второй половине 30-х годов, в сороковые и первой половине пятидесятых, конечно, известны реальные оппозиционные политические группы, школьные и студенческие, две из них (в одной был юный гениальный физик Ландау) перед войной выдал известный поэт Павел Коган — профессиональный осведомитель НКВД. Но, по-видимому, групп этих до Будапештского восстания было немного. Неорганизованные, но очень многочисленные выступления в поддержку борющихся за свободу венгров стали в значительной степени прямым результатом атмосферы обновления и радостного ожидания перемен, царившего в СССР с 1954—1955 годов.

— **Вы были свидетелем протестных настроений или подпольной активности, вызванных 1956 годом?**

— Нет. Я не мог быть свидетелем, точнее, действенным участником этой активности — мне было 15 лет, но я прилежно покупал югославскую газету «Борба», которая стала ограниченно доступна в СССР, и пытался что-то понять в сербских сообщениях.

— **Но вы знали людей, которые в этом участвовали?**

— Да, конечно, знал. Когда я был арестован в 1975 году, я оказался в одной камере (№ 129) в «Матросской тишине», скажем, с Юрой Анохиным, поэтом, который учился на несколько лет раньше меня на факультете журналистики МГУ и в начале 1957 года на комсомольском собрании читал там стихи «Мадьяры, мадьяры, вы братья мои, я с вами — ваш русский брат...» — что-то такое. И получил за это благополучно, по-моему, пять лет. У меня это был первый арест, а у Юры — уже второй.

— **Он из тех людей, которые пришли в демократическое движение в 1957 году, с самого начала?**

— Это не было движением. Это была демократическая активность, но она была очень действенной, очень соответствующей духу времени. Это были отдельные люди, которые поднимали лозунги в защиту Венгрии на первомайских демонстрациях и шли с этими лозунгами. Были люди, которые выступали на собраниях в защиту Венгрии. Сохранились и резолюции собраний в защиту Венгрии. В общем, даже по материалам советских архивов, отчасти опубликованным, а не только по моему знакомству с Юрой Анохиным видно, насколько это было мощное движение, заставившее Хрущева ненадолго прекратить сокращение КГБ и МВД и даже выступить с рядом требований об усилении идеологической работы и усилении уголовной ответственности за подобные выступления. Например, Владимир Муравьев, более известный сегодня как друг Венедикта Ерофеева, не случайно вспоминал, как организовалась тогда их группа, как и группа [Льва] Краснопевцева, тоже в университете, но они не знали друг друга (но ведь было и много других, особенно в Ленинграде!) — и все они были детьми венгерских событий. Что особенно любопытно, Муравьев говорит о своей группе, численность которой даже ему неизвестна благодаря изначально введенной конспирации, но располагавшей довольно большим запасом оружия! При этом ни Муравьев, ни историки, упоминающие демократическое движение или пишущие о нем, не понимают, в какой связи оно находилось с переменами в Советском Союзе. Никто не анализирует действительной роли Хрущева. Ведь к тому времени, за 40 лет советской власти и ее преступлений, русским народом (и в первую очередь русской интеллигенцией) было прочно усвоено, что никому из «них» верить нельзя, что все они бандиты, и поэтому те действия, которые производил Хрущев, даже тогда, когда они не были секретными, даже когда о них писали, никем не воспринимались как нечто важное, реальное, меняющее суть советского режима. Между тем именно годы правления Хрущева были единственным за сто лет, вот прямо до нынешнего года, временем в истории России, когда КГБ не управлял страной, просто не имел отношения к управлению. Все уже давно забыли, что председатель КГБ Семичастный... как вы думаете, какое он имел отношение к партии?

— **Был кандидатом в члены Политбюро?**

— Он был кандидатом в члены ЦК! Он даже в ЦК не имел права голоса! Кандидатом в члены Политбюро, а потом и членом Политбюро стал Андропов, но это совсем другой этап русской истории.

— **Вы хотите сказать, что есть прямая связь между ослаблением влияния КГБ и возникновением демократического движения?**

— Да, конечно, но нельзя все сводить к этому. Это были сознательные действия Хрущева. Это не было добровольное желание КГБ. Хрущев, с одной стороны, поставил во главе КГБ своего человека и бесспорного преступника, генерала Серова, но, с другой стороны, уже в 1954 году было уничтожено 4-е управление, которое занималось интеллигенцией. Потом оно опять было восста-